

С. А. Арутюнов, Н. Г. Волкова, Г. А. Сергеева

**ВКЛАД А. Н. ГЕНКО В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
КАВКАЗА**

В 1986 г. исполнилось 90 лет со дня рождения видного советского кавказоведа А. Н. Генко. Историк, лингвист, этнограф, редчайший пример полиглота, яркий педагог, организатор науки, человек большого таланта, для которого наука всегда была главным смыслом жизни, — таким видится Анатолий Несторович в воспоминаниях учеников, коллег, родных, в его письмах и трудах. Где бы ни работал А. Н. Генко — в стенах Азиатского музея, в Яфетическом институте, в Академии истории материальной культуры, в Институте этнографии, в поле во время экспедиций на Кавказ, — всюду он являл пример удивительной целеустремленности, воли и самоотверженности.

А. Н. Генко родился 4 ноября 1896 г. в Петербурге. Его отец, Нестор Карлович Генко (1839—1904)¹, — известный специалист-лесовод, ученый и практик, много сделавший для развития лесного дела в России². По мнению современников, «выделялся выдающимися знаниями»³. Один из братьев Анатолия Несторовича — Нестор Несторович — был этнографом, краеведом⁴.

По окончании гимназии А. Н. Генко в 1914 г. поступил в Петроградский университет, где слушал лекции одновременно на двух факультетах — историко-филологическом (кафедра классической словесности) и восточных языков (кафедра армяно-грузинской словесности). Годы учения пришлись на очень сложное в истории России время. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, начинался процесс перестройки, охвативший все сферы жизни, в том числе науку, высшие учебные заведения. Значительно расширилась учебная программа в Петроградском университете. На кафедре армяно-грузинской словесности, например, были введены новые курсы: горские языки Кавказа, мегрельский язык, сравнительная яфетическая грамматика, древности Ани, армянские надписи и др. Видимо, уже тогда, в университете, А. Н. Генко заинтересовался горскими народами Кавказа, изучение которых со временем стало основной целью его научной работы. Вообще годы, проведенные в Петроградском университете, несомненно сыграли огромную роль в формировании А. Н. Генко как ученого и как личности. Прогрессивные традиции университета, царившая в нем творческая обстановка, высокий профессиональный уровень преподавания, общение с такими выдающимися представителями русской науки, как В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский,

¹ Морозов Г. Ф. Нестор Карлович Генко. СПб., 1904.

² Член имп. Лесного института, член Лесного общества. Ряд статей опубликовал в «Лесном журнале», в «Известиях Лесного общества», «Известиях Лесного института». Исследовал, в частности, леса Грузии. Работал во многих губерниях Российской империи — Виленской, Гродненской (Беловежская пушта), Оренбургской, Вятской, Калужской, Воронежской (Шипов лес).

³ Морозов Г. Ф. Указ. раб. С. 12.

⁴ В 1920-е годы работал в г. Хвалынске Саратовской губ., Темир-хан-шуре в Дагестане, в г. Череповце, где состоял членом Череповецкого губбюро краеведения (см. Personalia (Н. Н. Генко) // Этнография. 1926. № 1. С. 322).

С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев, не могли не сказаться на первых шагах и дальнейшем творческом пути будущего ученого⁵.

Трудовая деятельность А. Н. Генко началась еще в студенческие годы и активно продолжалась после окончания университета (1920 г.). Он был переводчиком в Главном управлении кораблестроения и при Политотделе 7-й армии, помощником секретаря газеты «Северная коммуна», преподавал в 29-й петроградской единой трудовой школе. В 1921 г. Анатолий Несторович был зачислен научным сотрудником в Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете, где работал в секции яфетического языкознания вместе с Н. Я. Марром, И. И. Мещаниновым, Н. С. Державиным, К. Д. Дондуа, В. И. Абасевым. В частности, в стенах этого института А. Н. Генко и В. И. Абасев трудились над составлением «Осетино-черкесского словаря»⁶.

В 1920-е годы А. Н. Генко активно участвовал в работе Яфетического института (основан в 1921 г.), возглавляемого Н. Я. Марром. На научных заседаниях, проводившихся в институте каждые две недели в одну из пятниц, обсуждались актуальные историко-лингвистические проблемы. Среди докладчиков были такие видные ученые, как Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. Д. Дондуа, И. И. Мещанинов, Н. Ф. Яковлев, А. Ф. Розенберг и др. В 1922—1925 гг. с серией докладов выступил и А. Н. Генко. 3 февраля 1922 г. был заслушан его доклад «По поводу гомеровских выражений $\tilde{\eta}\nu\phi$ и $\nu\phi\rho\phi$ $\chi\alpha\lambda\upsilon\varsigma$ в связи с проблемой средиземноморской культуры»; 7 апреля — «К вопросу о языковом скрещении (Два случая с греческим языком)»⁷; 25 августа — «О соотношении яфетического и индоевропейского языкознания, преимущественно об их расхождениях»; 20 октября — «Из области греческого языка: фракийский царь $\rho\tilde{\eta}\sigma\sigma$ ». В 1923 г.: 30 марта — «О новых трудах по кавказским языкам»; 11 мая — «О новом труде М. Церетели по кавказским языкам»; 22 июня — «Яфетидологические заметки: лидийское $\rho\alpha\lambda\mu\varsigma$ и ликийское $\tau\tilde{\alpha}$ »⁸; 3 августа — «К вопросу о литературе по финно-германским и финско-кельтским взаимоотношениям»; 9 ноября — «По вопросу о скрещении (К докладу И. И. Зарубина)»⁹; 21 декабря — «О рецензии М. Церетели на книгу Ф. А. Брауна „Die Urbbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen“». 8 августа 1924 г. он сделал доклад «Свидетельство Геродота о колхах»; 12 июня 1925 г. — доклад «К фонетике южнодагестанских языков». Летом того же года А. Н. Генко по заданию Яфетического института принял участие в археолого-этнографической экспедиции, проводившейся в Адыгее под руководством А. А. Миллера¹⁰. Целью этой поездки было исследование адыгейского языка, тогда совершенно неизученного. А. Н. Генко опубликовал отчет о результатах работы экспедиции, в котором охарактеризовал собранные материалы; в дальнейшем они использовались им в практических занятиях по адыгейскому языку со студентами¹¹.

В 1920-е годы А. Н. Генко работал также в Институте живых восточных языков (основан в 1920 г.), где в 1925 г. были организованы «семинарии», в том числе яфетический, состоявший из трех групп: западнокавказской, волжской и североазиатской. В президиум семинариев

⁵ Отчет о состоянии и деятельности имп. Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916. С. 150; Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945. С. 79.

⁶ Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко // Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). V. М., 1972. С. 213; Язык и литература. Т. I. Л., 1926. С. I, VI.

⁷ Опубликовано: Яфетический сборник (далее — ЯС). II. Пг., 1923.

⁸ Опубликовано. См. Доклады Российской Академии наук (далее — ДРАН). В., 1924, июль — сентябрь; октябрь — декабрь.

⁹ Название доклада И. И. Зарубина — «Из наблюдений в области соприкосновения в области иранских языков».

¹⁰ Справочные сведения по Петроградскому институту живых восточных языков (1920—23). Л., 1924; ЯС. I. Пг., 1922. С. XVI; ЯС. II. Пг., 1923; ЯС. III. Л., 1925. С. III; ЯС. IV. Л., 1926. С. XI, XVI.

¹¹ Отчет Общества изучения Адыгейской автономной области за 1925 г. Краснодар, 1926. С. 5. См. также Лавров Л. И. Указ. раб. С. 215.

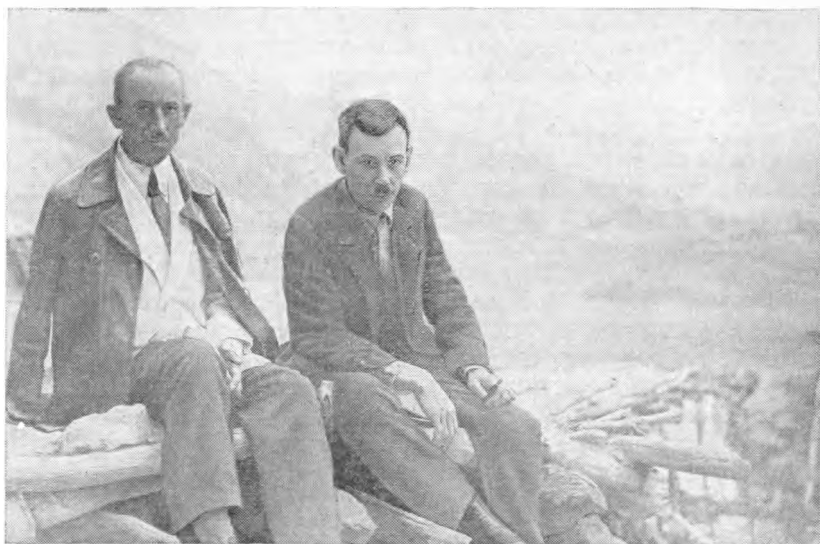

Рис. 1. А. Н. Генко (справа) с информатором Т. Шалбузовым (Южный Дагестан, табасаранское с. Хив, 1936 г.)

входили Н. Я. Марр (председатель), Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович и А. Н. Генко¹².

С 1924 г. основным местом работы Анатолия Несторовича стал Азиатский музей Российской Академии наук (впоследствии Институт востоковедения АН СССР), в котором он последовательно занимал должности научного сотрудника, ученого-хранителя, заведующего Кавказским кабинетом (первоначально Отдел Кавказа и Христианского Востока)¹³. Именно здесь осуществлялись основные кавказоведческие исследования А. Н. Генко, здесь он работал над богатейшими собраниями кавказских рукописей (Азиатский архив), отсюда ездил в свои многочисленные экспедиции на Кавказ.

Таким образом, уже первые годы научной работы Анатолия Несторовича отличались широкими творческими интересами, включавшими большой круг историко-этнографических и лингвистических проблем: древнегреческий язык, древние языки Передней Азии, история финских, германских и кельтских народов, различные вопросы кавказоведения, исторические и лингвистические вопросы общего характера. Однако с годами в научной деятельности А. Н. Генко все более четко определялось главное ее направление — кавказоведение, преимущественно изучение горских народов. В 1920-е годы Анатолий Несторович занимался также грузиноведческими исследованиями¹⁴. Он и позднее неоднократно обращался к грузинским источникам, но уже главным образом при разработке конкретных тем истории, этнографии и лингвистики горских народов Кавказа, например ингушей¹⁵. Владение грузинским языком помогало А. Н. Генко выявлять также заимствования из него в других кавказских языках — бацбийском, ингушском, чеченском. Глубокие по-

¹² Кононов А. Н., Кориш Н. Н. Ленинградский восточный институт. М., 1977. С. 96.

¹³ См. Орбели Р. Р. Деятельность Кавказского кабинета Института востоковедения после 1917 г. // Уч. зап. Ин-та востоковедения. АН СССР. Т. XXV. М.; Л., 1960. С. 71; Лавров Л. Н. Указ. раб. С. 213.

¹⁴ См. его работы: Грузинская версия «Хосро и Ширин» Хосро Дехлеви // ДРАН, В., 1924, июль — сентябрь; Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. I. Л., 1925; По поводу работы проф. И. А. Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами // Тексты и разыскания по кавказской филологии. Т. I. Л., 1925.

¹⁵ См., например, Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930.

знания в грузинской палеографии¹⁶ позволили А. Н. Генко в 1936 г. «довольно правильно отнести к XII в. незадолго до того открытую древнегрузинскую надпись на так называемом Венецианском мосту под г. Сухуми»¹⁷.

Анатолий Несторович всегда принимал самое живое участие во многих научных начинаниях, связанных с кавказоведением. В 1924 г. вместе с Н. Я. Марром и К. Д. Дондуа он — участник проходившего в Сухуми Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, на котором выступил с докладом «Свидетельство Геродота о колхах». В 1926 г. на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку А. Н. Генко сделал доклад «Об отношении турецких языков к яфетическим языкам». В 1934 г. при Институте востоковедения АН СССР была создана Ассоциация кавказоведов, которую возглавил Н. Я. Марр. Членом правления наряду с И. И. Мещаниновым и И. А. Орбели стал А. Н. Генко¹⁸.

Анатолий Несторович — не только блестящий исследователь. Он много и успешно занимался преподавательской деятельностью. Длительное время, начиная с 1923 г., А. Н. Генко читал курсы лекций по истории, этнографии и источниковедению Кавказа и вел практические занятия по кавказским языкам в Ленинградском университете, Ленинградском институте живых восточных языков, Московском университете, в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока СССР, в Ростовском университете. В 1925 г. А. Н. Генко стал доцентом, в 1935 г. ему были присвоены ученая степень доктора филологических наук и звание профессора¹⁹. О большом авторитете А. Н. Генко как этнографа-кавказоведа свидетельствует факт приглашения именно его на пост заведующего созданного в феврале 1936 г. в Институте этнографии АН СССР кабинета Кавказа. Под его руководством небольшой коллектив кабинета развернул перспективные кавказоведческие исследования. К сожалению, завершить намеченное А. Н. Генко не смог: жизнь ученого трагически оборвалась в самом расцвете творческих сил. Он умер в 1941 г. в осажденном Ленинграде.

А. Н. Генко считал себя лингвистом. Однако годы, проведенные в Петроградском университете, особенно на факультете восточных языков, где его педагогами были В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, дали ему широкую востоковедную подготовку. В результате, с одной стороны, его лингвистические труды отличает глубокий исторический подход: чисто, казалось бы, лингвистические проблемы исследуются в тесной связи с историко-этнографическим материалом. С другой стороны, в исторических и этнографических трудах ученого лингвистический материал служит важнейшим источником для общесоциологических реконструкций. А лингвистические познания Анатолия Несторовича были феноменальны. Он владел грузинским, армянским, азербайджанским, абхазским, адыгейским, черкесским, кабардинским, абазинским, убыхским, чеченским, ингушским, бацкийским, лезгинским, рутульским, цахурским, табасаранским, хыналыгским, свободно переводил с арабского, знал персидский, турецкий, немецкий, французский, английский, древнегреческий и латынь. «Кавказовед широкого диапазона, востоковед и классик по образованию... — пишет Р. Р. Орбели, — Генко подошел к изучению Кавказа от изучения классического мира и к спе-

¹⁶ В частности, одна из публикаций памятников древнегрузинской письменности — «Оксфордский фрагмент...» — высоко оценивалась специалистами. «Исследование А. Н. Генко, — писала Р. Р. Орбели, — образцовое в филологическом и палеографическом отношении, оказалось чрезвычайно ценным как для гебраистов, так и для грузиноведов» (Орбели Р. Р. Указ. раб. С. 73).

¹⁷ Лавров Л. И. Указ. раб. С. 214.

¹⁸ Лавров Л. И. Указ. раб. С. 217; Орбели Р. Р. Указ. раб. С. 76; Стенографический отчет Первого Всесоюзного тюркологического съезда. Баку, 1926.

¹⁹ Лавров Л. И. Указ. раб. С. 213, 218; ЦГИА ГССР. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 120 (письмо А. Н. Генко известному историку-кавказоведу М. А. Полневкову, жившему и работавшему в те годы в Тбилиси).

циальному исследованию северокавказских языков — от филологических исследований памятников письменности Грузии и Армении»²⁰.

А. Н. Генко интересовали самые разнообразные проблемы кавказоведения, причем многие из его исследований были поистине новаторскими, поднимали еще не изученные пласты истории и этнографии народов Кавказа. Так, А. Н. Генко первым стал заниматься убыхами, абазинами, хыналыгцами (хыналугцы), именно ему принадлежит честь открытия средневековой цахурской письменности. Он первым поставил вопрос о роли арабского этнического элемента в этнокультурном развитии ряда народов Кавказа, первым обратил внимание на социокультурные последствия многоязычия на Кавказе.

Печатные кавказоведческие труды Анатолия Несторовича появились в 1923 г. В статье «К вопросу о языковом скрещении (Два случая с греческим языком)» А. Н. Генко на языковом материале ставит вопрос об этногенетических связях халдеев с древним населением Дагестана, о локализации ряда народов Северного Кавказа в древнейшей эпохи значительно южнее современной территории их расселения. В 1924 г. А. Н. Генко опубликовал еще две работы, посвященные вопросам этнической истории народов Кавказа, — «Лидийское *πᾶλμυς*» и «Ликийское *qā*», в которых вновь затрагивает вопрос об этногенетической связи древнейшего населения Малой Азии и Кавказа. Названные статьи не были случайными в творчестве А. Н. Генко. Ученый всегда сохранял интерес к древнейшему периоду этнической истории Кавказа, неоднократно возвращался к нему в своих исследованиях. Этот период отражен и в цикле лекций, посвященных Урарту и античному этапу в истории кавказских народов, читавшемуся А. Н. Генко в Ленинградском университете в 1920-е годы²¹.

В ряде работ А. Н. Генко (часть их, к сожалению, до сих пор не опубликована) рассматривается средневековый период этнической истории народов Кавказа. 30 августа 1940 г. на расширенном заседании Института истории Азербайджанского филиала АН СССР Анатолий Несторович выступил с докладом «О вновь открытой письменности средневекового Азербайджана». В нем он обратился к этнической истории народов Восточного Кавказа, населявших некогда территорию Кавказской Албании. Исследования распространенных на территории современного Азербайджана девяти горских языков — лезгинского, аварского, цахурского, рутульского, удинского, хыналыгского, будугского, кризского, хапутлинского — дали ученому возможность обосновать ряд новых интересных гипотез. Одна из них — об этногенетической связи хапутлинцев с древними албанцами. Анатолий Несторович высказал также мысль о том, что удины отнюдь не единственные этнические наследники албанцев. «Я должен возразить против такого увлечения удинами, — подчеркивал он. — Удин изучать нужно, но не следует забывать, что в том же районе в количестве не меньшем, а большем, чем удины, и южнее, чем удины, и ближе к историческому центру древней Албании находится другой яфетический народ — хапутлинцы»²².

В этом же докладе А. Н. Генко, анализируя труд арабского географа XIII в. Казвини (перевод которого выполнил сам), пришел к выводу о наличии у цахур в средние века своей письменности, основанной на так называемом аджамском алфавите арабского языка. «Мы имеем, — резюмировал ученый, — факт существования местной письменности, и эта письменность является цахурской. Мы имеем произведения, которые были переведены на цахурский язык»²³.

Открытие А. Н. Генко трудно переоценить. Оно в корне меняет наши представления о распространении грамотности в средневековом Дагестане.

²⁰ Орбели Р. Р. Указ. раб. С. 73.

²¹ Лавров Л. И. Указ. раб. С. 218.

²² Архив Ин-та истории АН АзССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1024.

²³ Там же.

Позднесредневековому периоду этнической истории народов Кавказа посвящена замечательная работа А. Н. Генко «О языке убыхов»²⁴, в которой он впервые обобщил историко-этнографические материалы о небольшом народе Северо-Западного Кавказа, переселившемся в 1864 г. в Турцию. Анализ материалов языка народа садша, приведенных в труде турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, дал возможность А. Н. Генко выявить наиболее ранние свидетельства убыхского языка. Интересна гипотеза А. Н. Генко об этногенетической связи поздних убыхов с брухами — народом, упоминаемым Прокопием Кесарийским (VI в.) в прибрежных районах Восточного Причерноморья. Ученый высказал также ряд оригинальных и убедительных гипотез, в частности о первоначальной этнической принадлежности южных приморских абазин к убыхам, о ранних (до XVII в.) переселениях части абазин на северные склоны Большого Кавказа. Позднее эта мысль получила подтверждение в работах других исследователей²⁵. Статья «О языке убыхов» важна и в методическом отношении, так как А. Н. Генко ставит в ней вопрос о принципах идентификации древних и новых этнонимов, о пределах допустимости соотнесения древних этнонимов с современными этническими общностями.

В другой статье — «Из культурного прошлого ингушей», имеющей также большое научное значение, он рассматривает ряд вопросов этнической, социальной и культурной истории народов Северного Кавказа — ингушей, чеченцев, бацбийцев, кабардинцев, осетин. Работа эта «родилась», — пишет Л. И. Лавров, — в процессе его занятий ингушским языком. А. Н. Генко говорил нам, что это была попытка широкого использования данных языка для реконструкции истории народа, о котором почти нет известий в письменных источниках»²⁶. Важный вывод статьи связан с определением исходных районов миграций бацбийцев в Грузию. По мнению А. Н. Генко, это была Ингушетия. Основываясь на обширных исторических и лингвистических материалах, он высказал предположение о древнейшей этнической территории нахских народов, которая включала, как он считал, часть современной Тушети. Предложенная им точка зрения нашла подтверждение в трудах современных исследователей, в том числе грузинских. К вопросам этнической истории бацбийцев А. Н. Генко вернулся через несколько лет в другой своей работе — «Из области чеченской диалектологии»²⁷.

В числе наиболее глубоких и оригинальных работ А. Н. Генко несомненно следует назвать доклад «Арабский язык и кавказоведение»²⁸, с которым он выступил в 1937 г. на 2-й сессии Ассоциации арабистов. Исследователь, используя арабские средневековые источники (в своем переводе), концентрирует внимание на новых аспектах проблемы арабского культурного влияния на традиционный быт дагестанских народов. Впервые им рассматривается также вопрос об участии арабов в этнической истории некоторых народов Южного Дагестана, воссоздается историческая география расселения арабских мигрантов в Дагестане в VIII в., характеризуется этническое развитие местного населения в последующие исторические эпохи, прослеживаются этапы исламизации народов Дагестана.

Не менее важны в историко-этнографическом плане лингвистические труды А. Н. Генко. Это прежде всего монография «Абазинский язык»²⁹. В сущности вся первая глава исследования — «Общие сведения об абазинах и абазинском языке» — посвящена некоторым вопросам этнической истории этого народа, впервые рассматриваемым на полевых этнографических и лингвистических данных: расселение и численность абазин, эндо- и экзоэтнонимы абазинского этноса, этногенетические

²⁴ Изв. АН СССР. Сер. VII. 1928. № 1.

²⁵ См., например, Лавров Л. И. Абазины // КЭС. I. М., 1955.

²⁶ Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко. С. 219.

²⁷ Языки Северного Кавказа и Дагестана. I. М. — Л., 1935.

²⁸ Труды Ин-та востоковедения АН СССР. Вып. XXXVI. М.; Л., 1941.

²⁹ Завершена в 1934 г.; опубликована позднее — М., 1955.

связи абазин и абхазов, сведения об историческом прошлом абазин, история отдельных абазинских селений. Очень важен вывод А. Н. Генко о самостоятельности абазинского языка и выделении его из «всей массы абазинских наречий», с которыми в отдаленном прошлом он составлял единую в языковом отношении общность.

А. Н. Генко был исследователем культуры в самом широком понимании этого слова. Поэтому его в одинаковой мере интересовали многие историко-этнографические и лингвистические проблемы — от фольклора, народных верований, роли мировых религий (ислама и христианства) в истории Кавказа, характера классовой борьбы в Дигории в XVIII в., природы обычая аталычества³⁰ до названий плуга³¹, новаций в песенном творчестве и общественном быту кавказских народов³². Неоднократно обращаясь к теме ислама в условиях Кавказа, он писал в одной из своих работ, что «мусульманство», как ни одна другая религия, разрушила «все устои старого доисламского Кавказа... Мусульманский Кавказ потерял или почти потерял во многих отношениях свое лицо»³³.

Как кавказоведа и арабиста, А. Н. Генко постоянно занимала не изучавшаяся до него проблема широкого арабского влияния на местные культуры и языки. Во многих своих работах ученый исследует эту важную проблему, приводит новые материалы и факты, рисующие убедительную картину достаточно широкого распространения в мусульманских областях Кавказа арабского влияния, в том числе арабского языка в качестве литературного и языка дипломатической переписки³⁴.

А. Н. Генко первым в этнографической науке обратил внимание на некоторые аспекты многоязычия и рассмотрел их на кавказских материалах. Им анализировались и другие проявления этнических процессов на Кавказе, для понимания которых несомненно важна предложенная им классификация местных бесписьменных языков по их общественным функциям: многоаульные, аульные, семейные³⁵.

Анатолию Несторовичу не были чужды и общие вопросы этнографической науки. Хочется напомнить, в частности, совсем забытую его работу «Кавказоведение»³⁶, в которой впервые в истории отечественной науки сформулировано само понятие «кавказоведение» и намечены основные этапы его исторического развития.

Разрабатывая многие вопросы кавказоведческой тематики, А. Н. Генко обратился к изучению деятельности отдельных ученых. Так, им была опубликована статья о русском востоковеде первой половины XIX в. А. М. Шёгрене³⁷.

Проблемой, постоянно исследуемой А. Н. Генко, было источниковедение Кавказа. Владение многими языками, знание западноевропейской литературы, работа в архивохранилищах служили надежным основанием для его широких и вместе с тем глубоких изысканий в этой области этнографической науки. Специальных публикаций по источниковедению у А. Н. Генко немного. К наиболее ранним из них относятся уже упоминавшиеся работы, посвященные анализу некоторых грузинских источников: «Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии» и «По поводу работы проф. И. А. Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами».

Будучи кавказоведом широкого профиля, А. Н. Генко прекрасно понимал огромное значение для исследования Кавказа арабских источников. Некоторые из них (например, труд Казвини) были впервые пере-

³⁰ Задача этнографического изучения Кавказа // Сов. этнография. 1936. № 4—5.

³¹ О названиях плуга в северокавказских языках // Докл. АН СССР. 1930. № 7.

³² Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества // Восточные записки. Т. I. Л., 1927.

³³ Там же. С. 182.

³⁴ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение; его же. Литературные языки Южного Дагестана // Революция и письменность. Сб. 2. М., 1936.

³⁵ Генко А. Н. Литературные языки Южного Дагестана.

³⁶ БСЭ. Т. 30. М., 1937.

³⁷ Генко А. Н. А. М. Шёгрэн // БСЭ. Т. 62. М., 1933.

ведены Анатолием Несторовичем. Он занимался переводами не только средневековых, но и более поздних арабских источников. Убеждены, что изучение вопросов этнической и социально-политической истории народов Дагестана и Чечни первой половины XIX в. немыслимо без таких работ А. Н. Генко, как «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля»³⁸ и «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии». Последняя написана в соавторстве с акад. И. Ю. Крачковским³⁹, который во введении к ней подчеркивал трудность разработки исторического комментария, блестяще осуществленной А. Н. Генко. «Комментарии,— писал И. Ю. Крачковский,— потребовали специальных и кропотливых изысканий».

Историко-этнографические и филологические комментарии к переводам арабских источников вообще составляли важнейшую часть исследований Анатолия Несторовича. Им был подготовлен, например, комментарий к переводу арабоязычной хроники, написанной в Дагестане Мухаммадом Тахиром Карахским. По воспоминаниям И. Ю. Крачковского, А. Н. Генко составил к рукописи «особый указатель с идентификацией всех географических и племенных названий в их троякой передаче — арабской, местной кавказской на различных языках и русской как официальной, так и ходовой. Смерть не позволила довести работу до печати, и рукопись этого крайне важного пособия после блокады Ленинграда не была найдена»⁴⁰.

Исследования А. Н. Генко в области арабистики высоко ценились специалистами. И. Ю. Крачковский писал, что годы Великой Отечественной войны «болезненно коснулись арабистики утратой в некоторых сопредельных областях. Особенно это надо сказать о кавказоведе А. Н. Генко, умершем в декабре 1941 г. За последние годы он уделял большое внимание арабским источникам по новой истории Кавказа и дал ряд изданий с очень основательным комментарием, равно как и вдумчивую программную статью об этих источниках, которая может служить руководящей нитью в дальнейших их изысканиях»⁴¹.

Из писем А. Н. Генко известен еще один его источниковедческий труд, тоже не опубликованный: это курс лекций по источниковедению Кавказа, который он читал в ряде университетов страны в 1920—1930-е годы. О масштабах этого труда в какой-то мере можно судить по письму А. Н. Генко к М. А. Полиевктову⁴², написанному в связи с рецензированием Анатолием Несторовичем работы последнего «Европейские путешественники по Кавказу XIII—XVIII вв.». Даже письмо свидетельствует о поразительном владении А. Н. Генко материалом, его обширных знаниях. Он существенно дополняет список представленных в рукописи М. А. Полиевктова европейских путешественников, многие из которых тогда были еще неизвестны: швед Бреннер (XVII в.), немцы Штедер и Штелин (XVIII в.), Дрешер (врач, XVII в.) и др. А. Н. Генко привлекает также некоторые рукописные материалы, например дневник спутника Адама Олеария (XVII в.). Анатолий Несторович приводит обширную библиографию специальной исторической и картографической литературы по Кавказу, необходимой, по его мнению, для широкого исторического комментария и правильного понимания многих изучаемых вопросов. Рецензируя труд М. А. Полиевктова, А. Н. Генко не просто называет путешественников, их работы, дополнительную литературу о них, но и сопровождает эти сведения интересными комментариями, критически оценивает источники, приводит факты биографий путешественников. Из этого письма видно, что знания А. Н. Генко не ограничивались только западноевропейскими и русскими источниками и специальной литературой. Судя по имеющимся в письме замечаниям, в его курсе лекций по источниковедению Кавказа были представлены и вос-

³⁸ Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. II. Вып. 2. Л., 1933.

³⁹ Советское востоковедение. III. М.; Л., 1945.

⁴⁰ Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. V. М.—Л., 1958. С. 183.

⁴¹ Там же. С. 171; о работах А. Н. Генко в области арабистики см. также: Беляев В. И. Арабистика в Ленинграде за сорок лет//Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. XXV. М.; Л., 1960. С. 231—232.

⁴² ЦГИА ГССР. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 120.

точные источники. По существу письмо А. Н. Генко М. А. Полиевктову (помимо официальной короткой рецензии) — интереснейший историографический экскурс в историю мирового кавказоведения.

Ученый широко использовал в своих работах труды западноевропейских путешественников (их он переводил сам). На сведениях Штедера во многом основывались его выводы в статье «Из культурного прошлого ингушей» и другие исследования. «Чрезвычайно интересные данные его (Штедера.— *Авт.*) о классовой борьбе в Дигории в 1781 г., — пишет Анатолий Несторович в письме к М. А. Полиевктову, — служили предметом моих (не напечатанных) докладов в Ак. наук.». Еще менее известен науке был Бреннер, побывавший в России, на Кавказе и в Персии в составе шведского посольства в конце XVII — начале XVIII в. «Чрезвычайно важен, — пишет А. Н. Генко о Бреннере, — для истории изучения в Европе армянской и грузинской истории... Меня лично интересовал уже давно в качестве осведомителя известного Штраленберга по языкам Дагестана». И далее: «Оценка Бреннера (как лингвиста) дана мною в книге по лезгинской диалектологии, написанной более года тому назад (т. е. в 1933 г.— *Авт.*) по заказу Института языка и мышления Ак. наук, но, увы, пока не напечатанной»⁴³.

Большинство из переведенных А. Н. Генко в 1920—1930-е годы трудов западноевропейских путешественников (а в ряде случаев и они сами) не были известны, и только благодаря исследованиям Анатолия Несторовича богатейшие материалы, содержащиеся в этих источниках, стали достоянием науки.

Рукопись курса лекций А. Н. Генко по источниковедению Кавказа, вероятнее всего, утеряна. Потеря невосполнимая. В настоящее время мы не имеем подобного труда, а создание его под силу лишь специалисту такого диапазона, как А. Н. Генко.

У Анатолия Несторовича были и другие источниковедческие работы, не опубликованные и к настоящему времени, видимо, не сохранившиеся. Это переводы с немецкого книги акад. Гамеля (Hamel, 1829 г.), уже тогда являвшейся, как отмечает А. Н. Генко, библиографической редкостью, и рукописного дневника обратного путешествия Олеария из Персии до Терков (1638 г.)⁴⁴. Анатолию Несторовичу принадлежит также честь открытия двух ценных рукописных источников по Кавказу первой половины XIX в.: третьей части труда С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», которая более 100 лет считалась утерянной⁴⁵, и подлинной рукописи кабардинской грамматики кабардинского историка и просветителя Шоры Бекмурзы Ногмова⁴⁶.

Большим вкладом в этнографическое кавказоведение являются полевые материалы А. Н. Генко, собиравшиеся им в 1920—1930-х годах во многих районах Кавказа. Именно полевые данные чаще всего были основной источниковедческой базой многих его трудов.

С 1923 г. ученый неоднократно выезжал в Абхазию. О результатах его полевых работ лишь в этом регионе свидетельствует, например, следующий факт. Только в экспедиции 1928 г. А. Н. Генко собрал около 100 различных фольклорных текстов и заполнил более 10 тыс. карточек с лингвистическими данными для своих работ по абхазскому языку⁴⁷. И это помимо практической деятельности по реформе абхазского языка, чтения лекций, докладов и других занятий. В 1926 г. он работал в

⁴³ Там же. Л. 272 об., 273. На обратном пути посольства Бреннер в 1700 г. попал в плен и смог уехать из России в Швецию лишь в 1724 г.

⁴⁴ Там же. Л. 275.

⁴⁵ Найдена А. Н. Генко в архиве Азиатского музея в анонимной рукописи по Кавказу (*Орбели Р. Р.* Указ. раб. С. 72).

⁴⁶ *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко. С. 215.

⁴⁷ Частично опубликованы. См.: *Генко А. Н.* Абхазский вокализм // *Изв. АН СССР. Сер. VII.* 1928. № 1; *Отчет научного сотрудника А. Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ* // Там же. № 8—10; *Генко А. Н.* Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков // *Труды Абхазского НИИ языка, литературы и истории.* Т. XXVIII. Сухуми, 1957.

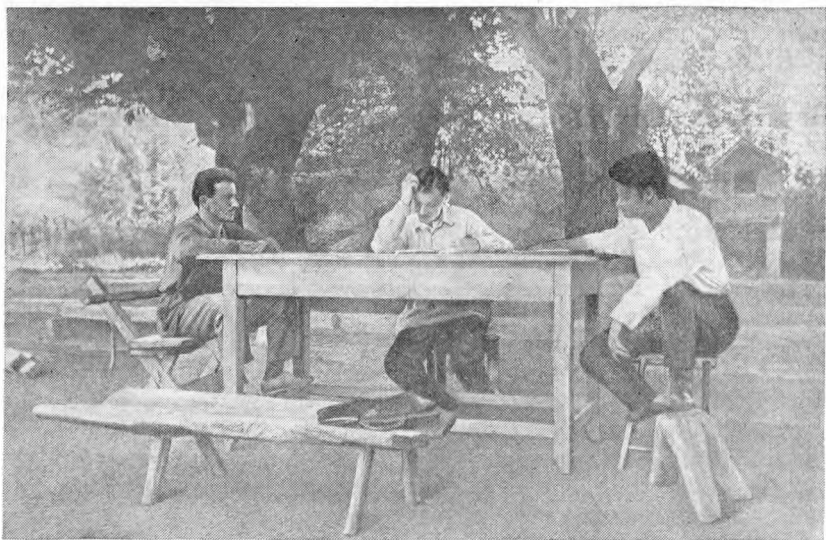

Рис. 2. А. Н. Генко (в центре) со студентами В. Кукба (слева) и А. Хашба (справа) во время полевых исследований в Абхазии (с. Звандрипш, 1928 г.)

Земо Алвани (Восточная Грузия), где изучал бацбийский язык. В 1927 г. Анатолий Несторович все лето находился в высокогорном селе Хыналыг (Хиналуг) в Азербайджане, а по окончании полевой работы выступил с докладом в Кавказском историко-археологическом институте (Тифлис) и охарактеризовал собранные им в этом селе этнографические и лингвистические материалы. Основываясь на них, ученый высказал предположение, что хыналыгский язык «ближе всего стоит к удинскому». Такая точка зрения отличалась от принятого тогда в исторической и лингвистической литературе мнения, согласно которому хыналыгский язык сходен с лезгинскими языками или занимает особое место в горских языках Кавказа. Во время экспедиции в Хыналыг А. Н. Генко интересовался этнографией и языком другого кавказоязычного народа Азербайджана — хапутлы (самоназвание *һеран*). Он определил область расселения этого народа, а также предложил гипотезу о связи хапутлинцев со средневековым народом *һеран*, известным в грузинских и армянских источниках. В 1929 г. в Черкесии А. Н. Генко занимался абазинами, затем опять работал в Абхазии. В 1933 г. в течение четырех месяцев ученый жил в Южном Дагестане, главным образом у рутульцев; из Дагестана поехал к абазинам и находился там более 1,5 месяцев⁴⁸.

Его экспедиционные поездки по Кавказу длились месяцами, проходили в сложных условиях бездорожья и неустроенности быта. О трудностях своих долгих путешествий он нередко писал А. Ф. Розенбергу, известному востоковеду-иранисту, сотруднику Азиатского музея: «...полагаю вернуться достаточно потрепанным своими авантюрными верховыми переездами...» (из Абхазии, июнь 1928 г.). В другом письме А. Ф. Розенбергу он пишет: «Пятнадцать дней понадобилось нам, чтобы добраться до рутульцев. Испробовали все средства передвижения: ехали в поезде, на грузовике вместе с керосиновыми бочками, в телеге, верхом и ходили пешком. Нас поливал дождь, на перевале падал большими хлопьями снег и потом палило жгучее солнце». И далее приписка жены А. Н. Генко, этнографа-кавказоведа Л. Б. Панек: «Анатолий работает с семи утра до 10 вечера» (Рутул, июнь 1933 г.). Но сетуя иной раз на

⁴⁸ Генко А. Н. Сообщение о результатах поездки в Хиналуг // Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе. Тифлис, 1928. № 1—3; Отчет научного сотрудника АМ А. Н. Генко о летней экспедиции на Кавказ // Изв. АН СССР. Сер. VII. Л., 1928. № 8—10. С. 570; Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко. С. 216; Архив АН СССР (Ленинград). Ф. 850. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.

трудности, он в одном из своих писем тому же А. Ф. Розенбергу замечает: «Утешаюсь сознанием, что делал все от меня зависевшее для скорейшего и успешнейшего достижения своих целей, т. е., конечно, *ad maiorem gloriam scientiae*»⁴⁹.

Велика роль А. Н. Генко в организации кавказоведческих исследований в стенах Института этнографии АН СССР. Став заведующим кабинета Кавказа, он выступил с программной статьей в журнале «Советская этнография», в которой сформулировал основные направления советского этнографического кавказоведения⁵⁰. Главная задача общетодического характера виделась А. Н. Генко «в решительном переходе от методов простого собирательства, бесконечного нагромождения фактов... к марксистско-ленинскому, научному социологическому анализу общественной структуры народов Кавказа, выяснению последовательных этапов в развитии семьи, рода, племенной и раннегосударственной (феодальной) организации этих народов...» Он считал необходимым повышение «требований к технике использования существующих источников этнографической информации», усиление «источниковедческой, библиографической и в особой мере лингвистической работы по кавказским материалам». К числу очередных задач кавказоведческих исследований А. Н. Генко отнес изучение этнического состава населения Кавказа, социального строя (особенно горских народов Кавказа), создание монографических «исчерпывающих работ» по народам Кавказа, а также полного свода по этнографии всех кавказских народов.

В своей статье А. Н. Генко затронул и другие важные вопросы развития кавказоведения, например координации и плановости научной работы, что, однако, по его мнению, было чрезвычайно трудно в тогдашних условиях острой нехватки квалифицированных этнографов-кавказоведов. Подводя итоги, он сформулировал некоторые практические предложения. В основном они сводились к следующему: 1) необходима выработка единого плана этнографического изучения Кавказа; 2) восстановление, а где не было ранее — создание этнографической специализации в вузах: «систематическая подготовка специалистов по кавказской этнографии,— писал А. Н. Генко,— предпосылка выполнимости упомянутого единого плана в изучении Кавказа в сколько-нибудь обозримый срок»; 3) периодичное издание специальных сборников по этнографии Кавказа.

С первых дней создания в Институте этнографии кабинета Кавказа началась интенсивная работа по осуществлению поставленных А. Н. Генко задач. Ближайшими помощниками Анатолия Несторовича в этом стали Лидия Борисовна Панек, занимавшаяся этнографией горцев Грузии и народов Южного Дагестана, и Леонид Иванович Лавров, ученик и последователь А. Н. Генко, в те годы изучавший этнографию народов Северного Кавказа — абазин, убыхов, адыгейцев, балкарцев.

Оценивая вклад А. Н. Генко в этнографическое кавказоведение, нельзя не вспомнить очень важной научной и практической стороны его деятельности, связанной с национально-культурным строительством на Кавказе. Как член Центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, он непосредственно занимался созданием алфавитов для бесписьменных языков Кавказа⁵¹. На латинской основе им была разработана цахурская письменность, которая практически применялась в 1935—1936 гг.⁵² А. Н. Генко принимал участие в создании алфавита для лезгинской письменности. Им был подготовлен также ряд словарей и грамматик — абазинского, абхазского, лезгинского, табасаранского, цахурского, рутульского языков, материалы и тексты к ингушскому, чеченскому и баббийскому словарям.

В сравнительно небольшой статье трудно достаточно полно рассмотреть все аспекты научной деятельности А. Н. Генко, которая, несомнен-

⁴⁹ Архив АН СССР (Ленинград). Ф. 850. Оп. 3. Д. 34. Л. 7, 10.

⁵⁰ Генко А. Н. Задача этнографического изучения Кавказа.

⁵¹ Орбели Р. Р. Указ. раб. С. 73.

⁵² Генко А. Н. Цахурский (цахский) алфавит. Баку, 1934.

но, представляет одну из ярких страниц советского кавказоведения. Благодаря трудам А. Н. Генко окончательно сформировалось и получило импульс для дальнейшего развития особое, важное направление в кавказоведении — исследование горских народов Кавказа. В нашем обзоре ученый предстает главным образом как этнограф. Однако нельзя забывать о его огромной лингвистической работе, ознаменовавшейся рядом достижений и открытий. Это и кубинский диалект лезгинского языка⁵³, и выявление диалектов в табасаранском языке⁵⁴, и первые исследования абазинского, адыгейского, кабардинского⁵⁵, хыналыгского языков, изучение абхазского, чеченского⁵⁶, ингушского, бацбийского языков. Деятельность А. Н. Генко-лингвиста также заслуживает самого пристального внимания специалистов.

«Культурные миры,— писал известный востоковед В. М. Алексеев,— требуют комплексного изучения»⁵⁷. Именно так изучал Кавказский культурный мир А. Н. Генко, ученый-энциклопедист, всегда следовавший лучшим традициям русской исторической науки.

⁵³ Генко А. Н. Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие//Изв. АН СССР. Сер. VII. 1929. № 4.

⁵⁴ В Махачкале в Ин-те истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР хранятся две рукописи А. Н. Генко — «Табасаранско-русский диалектологический словарь» и «Очерки табасаранской диалектологии» (Лавров Л. И. Памяти А. Н. Генко. С. 217).

⁵⁵ Генко А. Н. Кабардинский язык//БСЭ. Т. 30. М., 1937.

⁵⁶ Генко А. Н. Чеченский язык//БСЭ. Т. 61. М., 1934; *его же*. Из области чеченской диалектологии; *его же*. Из культурного прошлого ингушей.

⁵⁷ Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 191.